

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ *Спасение - 1994 -*
 Николай ОСТРОВСКИЙ: *сент. (N 25) - с. 7.*

«...ДУШИТЬ КОГО-ТО НЕ ЗНАЧИТ ЗАЩИЩАТЬ СВОБОДУ, ДА И МНОГОЕ ДРУГОЕ...»

(29 сентября — 90 лет со дня рождения писателя)

Автор книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» — фигура, несомненно, трагическая. Об этом размышляет Дмитрий САРАНА, старший научный сотрудник Государственного музея — гуманитарного центра «Преодоление» имени Н.А. Островского.

Читатель сегодняшнего дня вряд ли может воспринимать книги Николая Островского так же, как читатель 30-х годов. И причина этого понятна... Десятилетиями искусственно создавался миф о Николае Островском, не имеющий к настоящему живому писателю никакого отношения.

Долгое время считалось, что Николай Островский, потерявший в юности здоровье на полях Гражданской войны и различных стройках, был с самого начала окружен вниманием и заботой партии и правительства, до конца своей короткой жизни не допускал даже минутной душевной слабости.

В 19 лет у него началось окостенение суставов и правая нога перестала сгибаться. В 20 лет он вынужден был уже ходить с палочкой. В 22 года — с костылями. В 25 лет Николай Островский был уже полностью неподвижен, в 26 — абсолютно слеп, а еще через 6 лет его уже не стало. Его болезнь была неизлечимой, и развитие ее остановить было невозможно. Но мало кто знает, что в его жизни было очень много трудностей и помимо болезни.

Все эти трудности, все эти чисто человеческие переживания нашли естественное отражение в письмах к друзьям и близким. Но кто мог прочитать эти письма до сегодняшнего дня, за исключением специалистов? Известно около 700 его писем, из которых ранее опубликовано только 395, да и те не в полном объеме. Письма Николая Островского не только сокращались, но часто подправлялись...

В 1989-1990 годах, мы, сотрудники Музея Николая Островского, совместно с издательством «Молодая гвардия» выпустили трехтом-

ник сочинений Н.А.Островского, в который вместе с ранее неопубликованными страницами из романа «Как закалялась сталь» впервые вошли многие неиздававшиеся письма.

Эти новые материалы во многом иначе представляют взглянуть на жизнь и судьбу писателя.

«Тебе по-дружески могу рассказать, что последний год я прожил только потому, что продал все накопленное свое, то есть пальто, костюм, ботинки, библиотеку... Я лежал в клинике, и меня девять раз резали... я не получал ни гроша...», — сообщает он в одном из писем к А.А.Жигаревой, много ему помогавшей. В одном из писем 18-летний Островский сообщает дочери полковника царской армии Людмиле Беренфус, которой был увлечен в ранней юности: «...Порыв того желания жить своей мечтой бросил меня в армию в 1920 году, но я быстро понял, что душить кого-то не значит защищать свободу, да и многое другое...»

Предполагая, что проживет еще около пяти лет, Николай Островский хотел написать большое художественное произведение о войне Советской России с Польшей. Живя в этот период в Сочи, не имея под рукой документов, материалов, касающихся событий, о которых собирался писать, Островский очень мучился. Переживания находили отражения в письмах близким.

Р.Шпунт, редактору издательства «Молодая гвардия»: «...Ни одной нужной мне книги, ни документов, посвященных политико-экономическому и военному положению в Польше в конце 1918 и начале 1919-го годов, у меня нет. Пока выручает собственная память о виденном и прочитанном раньше. Получил телеграмму М.Кольцова, что он принимает меры для получения мне квартиры (в Москве), но я думаю, что это им навряд ли удастся провести...» А вот просто пронзительное письмо своему другу Михаилу Филькенштейну: «...Я буюсь, что мое имя стало футбольным мячом, который группа товарищей упорно стремится забить в ворота Моссовета или другого жилищного комбината, но не менее упорные вратари отбивают все атаки с ловкостью и мастерством, достойными лучшего применения. Мне эта игра осточертела... ты правильно поступаешь, когда думаешь, что не надо унижаться...» Квартиру в Москве писатель получил только в декабре 1935 года буквально за год до смерти. Он всегда оставался человеком, свято верившим в высшую справедливость коммунистической идеи. Как-то раз в присутствии лечащего врача Павловского у Николая Островского вырвалось: «Если бы я разжал кулак, в котором держу себя, случилось бы несчастье».

Н.Островский, безусловно, фигура трагическая. Идея всеобщего равенства, столь притягательная, которой покорялись люди более опытные, образованные, интеллигентные, не могла не захватить его. Лишь после того, как мы соединим вместе свои прежние знания о писателе со сведениями, которые имеем возможность получить ныне, — только тогда перед нами предстанет настоящий писатель и человек Николай Островский.

